

АНАЛИЗ АВТОКОММЕНТАРИЯ В СВЕТЕ БИОКОГНИТИВИЗМА

*Кафедра английской филологии.
Научный руководитель - И. К. Архипов*

Традиционное языкознание и вслед за ним, когнитивная наука «первого поколения» опираются на схематичное, «бестелесное» рассмотрение познания и описывают мышление как алгоритмическую манипуляцию с символами, игнорируя функционирование языка в реальном времени и пространстве¹.

Отличной от такой концепции, основанной на понимании мышления как «вычислительного процесса», является «воплощенная философия», основной принцип которой заключается в признании «воплощенной», телесной природы разума, т. е. того, что ментальные структуры по природе своей обладают значением в силу своей связи с телесным опытом².

В свою очередь, в рамках «воплощенной философии» существует несколько направлений, одним из которых является биокогнитивизм, или холистический подход к изучению языка. Он основан на физикализме, т. е. понимании языка как естественного биологического феномена, уникальным образом свойственного человеку. Данный подход расширяет пределы «воплощенной философии», включая в нее семиотическую парадигму, восходящую к работам Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Якобсона, Э. Бенвениста и трудам по биосемиотике³, и опирается на результаты максимально широкого круга исследований как в лингвистике, семиотике так и в нейрофизиологии, психологии и философии⁴.

Следствием признания телесной природы разума стало понимание того, что, во-первых, источником представленного в языке знания является наблюдатель и/или говорящий, то есть человек как субъект познания. Во-вторых, того, что язык - это не самодовлеющая, существующая незави-

симо от человека система символов, которая присваивается им на момент речи.

Язык является когнитивной деятельностью человека, служащей для его адаптации к среде, поэтому контекст ситуации становится определяющим фактором при исследовании языка как системы символов, отражающей не столько объективный мир, сколько непосредственный или опосредованный чувственный опыт человека, в степени достаточной для эффективной адаптации к среде. Среда, с которой взаимодействует человек в ходе познания, включает не только внешнее окружение индивида, но и его внутренние состояния и процессы. Первое называется его внешней нишей, а вторые - внутренней. Эффективная адаптация к среде в ситуации коммуникативного цейтнота суть адекватность описания видовременными формами глагола внутренней и внешней ниши наблюдателя. Поэтому в данной работе показывается, что в контексте автокомментария наблюдатель с помощью форм Present Indefinite со значением «моментального» действия адекватно описывает свою внутреннюю нишу для максимально эффективной адаптации к среде в ситуации коммуникативного цейтнота. В качестве материала исследования использованы высказывания, взятые из телевизионных кулинарных шоу и советов по ремонту на английском языке. Автокомментарий анализируется в рамках традиционного подхода крайне редко. В свете биокогнитивизма подобный анализ проводится также впервые.

Формы Present Indefinite со значением «моментального» (instantaneous) действия традиционно употребляют только в контексте прямого репортажа, автокомментария и перформативных высказываний, т. е. ког-

да наблюдаемая ситуация и ее описание совпадают по времени. Хотя, несомненно, подразумевается, что говорящий использует эти формы в силу краткости момента восприятия, обусловленного высокой скоростью смены событий в прямом репортаже, однако ограниченность употребления этих глагольных форм обычно никак связывается ни со временем наблюдения, ни с адекватностью описания ими объективного мира. Принято считать, что формы Present Indefinite только в контексте прямого репортажа и автокомментария, имеют собственно событийное или «моментальное» значение, максимально совпадающее по продолжительности с моментом речи, и не передают состояние или абитуальный признак⁵.

Однако как подчеркивает Дж. Лич, «в большинстве случаев событие происходит не в точности в тот момент, когда про него идет речь: настоящее время описывают скорее субъективную, нежели объективную одновременность с моментом речи»⁶. Это мнение разделяет Р. Лангакер: «даже если бы описываемый процесс совпадал по времени с описанием, говорящий вряд ли смог бы описать его исключительно точно, поскольку для этого ему пришлось бы начать описание прямо в момент начала процесса, то есть прежде, чем у него появилась бы возможность увидеть и идентифицировать его. Когда же он увидел весь процесс полностью (включая его завершение), то уже слишком поздно начинать своевременное описание (формами Present Progressive - E. Ж.)»⁷. Другими словами, формы Present Indefinite со значением «моментального» действия передают субъективную, а не объективную одновременность наблюдаемой ситуации и ее описания, поскольку на самом деле восприятие мотивирующего процесса столь кратко, что его интерпретация возникает не синхронно, постфактум.

Использование форм Present Indefinite в прямом репортаже и ситуации автокомментария часто связывается с коммуникативной установкой говорящего, их «иллю-

стративным» и «перформативным» использованием, когда текст (речь комментатора) выполняет изобразительную функцию. При этом как указывает Р. Лангакер, «комментатор старается сделать временной промежуток между событием и его описанием максимально коротким (используя формы Present Indefinite - E. Ж.), и аудитория принимает это совпадение как удобное»⁸. Такая логика подразумевает, что использование форм Present Indefinite в комментарии обусловлено как краткостью и, следовательно, удобством самих форм, так и неспособностью наблюдателя начать описание действия одновременно с его началом. Однако автокомментарий тем и отличается от комментария, что в нем наблюдатель одновременно выступает в роли субъекта деятельности, т. е. начало описываемой ситуации и ситуации наблюдения совпадают. Но это совпадение предполагает, по мысли Р. Лангакера, использование форм Present Progressive, а не Present Indefinite для адекватного описания чувственного опыта наблюдателя.

А. В. Кравченко показал, что использование форм Present Indefinite при автокомментарии, который он не отделяет от комментария, определяется типом знания, на котором основана сообщаемая информация. Рассматривая описание фокусов, автор подчеркивает, что «хотя фокусник может сказать: *'And now I take the flask of sodium nitrate and pour the contents into this beaker; now I light the Bunsen burner and heat it to a boil'*, он не может продолжить: *'And now I whoops-sneeze, and now I reach into my pocket and take out my handkerchief..'* Но почему нет? Потому что описание, даваемое м-ром Чародеем, не является в действительности описанием совершаемых действий как им структуры опыта, который он проводит. С другой стороны, если мы наблюдаем за м-ром Чародеем и описываем его действия, мы можем сказать: *Now he's picking up a glass flask, and pouring its contents into a beaker. Now he's lighting the Bunsen burner and-wuit! He's*

reaching into his pocket for what seems to be his handkerchief!)⁹ Это значит, что если субъект деятельности в данный момент не видит своих действий, хотя и выполняет их, т. е. передает структуральное знание, то он использует формы Present Indefinite. Если его видят со стороны другие, то они с помощью форм Present Progressive описывают свое феноменологическое знание. Однако остается неясным, почему сам наблюдатель не может описать собственные, явно наблюдаемые действия в ситуации коммуникативного цейтнота формами Present Indefinite.

Все вышесказанное предполагает, что наблюдатель использует формы Present Indefinite, если описываемая ситуация не входит в его личное пространство. Но как указывает А. В. Кравченко, личное пространство наблюдателя, т. е. сфера непосредственного чувственного опыта, включает и его сознание¹⁰. В свою очередь Л. С. Выготский, анализируя проблему мышления и речи, подчеркивает, что «эгоцентрическая речь обладает тенденцией к сокращению, к телеграфному стилю... но совершенно своеобразную тенденцию к сокращению фразы и предложения в направлении сохранения сказуемого и относящихся к нему частей предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов». И далее, «'Идет Б'. Очевидно, что в этом случае чисто предикативное предложение возникло в живой речи только потому, что подлежащее и относящиеся к нему слова были непосредственно известны из ситуации, в которой находились собеседники (они видят приближающийся к остановке трамвай - Е. Ж.)». У. Левелт и Р. Джакендофф, в рамках исследований по когнитивной обработке информации, также отмечают, что «редактор говорящего включает компонент "самовосприятие", по которому говорящий отслеживает фонологическую структуру изнутри (слышит, что он/она собирается сказать - т. е. начинает описывать свою внутреннюю нишу уже внутри - Е. Ж.) и использует это для пересмотра или коррекции концептуальной структуры, представленной в предложении»¹².

Наблюдатель, описывая ситуацию: *Sol put this dry mix over top of it. Here I've got a dry brazier and level it absolutely due to the edge. Then I put it in the oven for about 7 minutes and here we go*, видит, как он сам накладывает сухую смесь на самый верх, затем берет сухой противень и выравнивает на нем все точно по краям, потом ставит в духовку и засекает время. В силу краткости момента восприятия действия, он, как и в комментарии действий других, для эффективной адаптации к среде в ситуации коммуникативного цейтнота употребляет формы *put, have got, level*. Однако поскольку прежде чем начать действовать, человек осознает, что он собирается сделать в следующий момент, то эти формы, как максимально приближенные к простому сказуемому, описывают его внутреннюю нишу. На включение ситуации в личное пространство наблюдателя также указывает наречие *here*.

В высказывании *I just watch up. I give you a plate. These are two bowls here* наблюдатель описывает собственные действия - то, как он сначала наблюдает за работой повара, затем лезет в стол, перебирает миски и подает одну из них повару. Поэтому он использует формы *watch up, give, are*. Поскольку прежде чем начать действие 'give you a plate', наблюдатель осознает, что он сделает, т. е. в его сознании имеется некая картинка, то он для эффективной адаптации к среде в ситуации коммуникативного цейтнота выбирает самую короткую форму глагола. При этом локативный предлог *up* указывает направление взгляда наблюдателя вверх, когда он разгибается с миской в руках.

Описывая ситуацию: *I measure the drawer and get these measurements to the glazier and just cut some middle section and drill a hole in the middle of the drawer to put a new handle*, наблюдатель видит последовательность собственных действий - то, как он измеряет ящик, отдает размеры стекольщику и затем вырезает срединную секцию и сверлит в середине ящика отверстие для ручки. Поэтому он употребляет формы *measure, get*,

cut, drill. Поскольку он, прежде чем начать действие *'measure the drawer'* или *'cut some middle section'* осознает, что будет делать в следующий момент, т. е. ему уже известен характер действия, то для описания своей внутренней ниши в ситуации коммуникативного цейтнота он употребляет максимально короткую форму и тем самым эффективно приспосабливается к этой ситуации. На наблюдателя указывает также локативное сочетание *in the middle of the drawer*, передающие его непосредственный чувственный опыт, поскольку для того, чтобы определить, что у ящика есть срединная часть, его нужно видеть.

В высказывании *Now I put the cake-mixture into this bowl and add a drop of vanilla essence* наблюдатель видит и одновременно описывает последовательность собственных действий, а именно как он кладет сухую смесь для теста в миску и добавляет немного ванильной эссенции. Поэтому он использует формы *put* и *add*. Поскольку прежде чем начать действие *'put the cake-mixture into this bowl'* наблюдатель осознает, что он сделает, т. е. в его сознании имеется некая картинка, которую он в ситуа-

ции коммуникативного цейтнота описывает самой короткой формой глагола.

В последнем примере на пространственно-временное совпадение описываемой ситуации и ситуации наблюдения указывает наречие *now*. Напомним приведенный А. В. Кравченко пример невозможности использования наблюдателем форм Present Indefinite для описания собственного чувственного опыта: *'And now I- whoops-sneeze, and now I reach into my pocket and take out my handkerchief...'*. Очевидно, что невозможность сочетания этих форм и наречия *now* служит доказательством, по мысли автора, того, что знание, представленное в пропозиции высказывания не является феноменологическим знанием наблюдателя. Однако поскольку приведенные нами примеры показывают обратное, то несоответствие данных, полученных в различных речевых контекстах, подтверждает общую концепцию о том, что языковая деятельность является формой адаптивного поведения. Наблюдатель, описывая с помощью форм Present Indefinite в контексте автокомментария свою внутреннюю нишу, приспосабливается тем самым к ситуации коммуникативного цейтнота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Пер. с франц. языка под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.

Fodor J. A. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford: Clarendon Press. 1998. 456 p.

² Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999. 312 p.

³ Peirce C.S. Elements of logic//Collected papers of Charles Sanders Pierce. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. Vol. 2. 535 p.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков//Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.

Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 834 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. 447 с.

Sebeok T., Hoffmeyer J. and Emmeche C. Biosemiotica (Special Issue of Semiotica). Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1999. Vol. 127. № 1. P. 23-44.

* Бехтерева Н. П. О мозге человека: XX век и его последняя декада в науке о мозге человека. СПб.: Нотабене, 1997. 70 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Д.: Изд-во «Феникс», 1998. 416 с.

Мамардашвили М. К. Стрела познания: набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Аванта+, 1996. 307 с.

Матурана У, Варела Ф. Древо познания. Перевод с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

⁵ *Swan M.* Practical English Usage. London etc.: Oxford University Press, 2005. 658 p. P. 1.

⁶ *Leech G.N.* Meaning and the English verb. London: Oxford University Press, 1987. 139 p. P. 7.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Наука, 1996. 841 с. С. 163.

⁷ *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. Vol. 1. 503 p. P. 90.

⁸ См. там же. С. 92.

⁹ *Кравченко А. В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Изд. Иркут. ун-та, 1992. 212 с. С. 78.

Goldsmith J., Woisetschlaeger E. The logic of the English progressive//Linguistic Inquiry. 1982. Vol. 13. № 1. P. 79-89.

¹⁰ *Кравченко А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. 206 с. С. 103.

¹¹ *Выготский Л. С.* Мышление и речь//Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия. М.: Академия, 2003. 464 с. С. 250-294, С. 274, 275.

¹² *Levelt W. J. M.* Producing Spoken Language: A Blueprint of the Speaker//C. M. Brown and P. Hagoort (eds.), The Neurocognition of Language. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 83-122, P. 87.

Jackendoff R. Foundations of Language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution. London: Oxford University Press, 2003. 478 p. P. 203.